

РЕЦЕНЗИЯ

Понимание, отношение, доверие: как формируется социальная реальность (о книгах В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович, В.В. Михеевой)¹

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионоведения ЮФУ

Гуськов Игорь Александрович – доктор социологических наук, профессор, первый заместитель губернатора Ростовской области, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения ЮФУ

Райдугин Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Современная социология полипарадигмальна. Едва ли кто-то сейчас готов оспорить эту очевидную посылку. Однако для многих остается открытым вопрос о том, является ли такая полипарадигмальность благом для науки. Т. Кун писал, что несформированность базовых установок характерна для преднаучного знания, конкуренция

между парадигмами – для нормальной науки. Современную социологию сложно охарактеризовать каким-либо из этих двух состояний: с одной стороны, ее базовые установки сформировались еще в классических концепциях О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Тарда и других; с другой – количество альтернативных друг другу парадигм сего-

¹ См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. «Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства»; Чупров В.И., Михеева В.В. «Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине?».

дня настолько велико, что сложно говорить об их взаимосвязи и преемственности, столь важных для «нормальной науки».

Пожалуй, можно было бы утверждать, что все существующие концепции так или иначе относятся к двум парадигмам: объективизму и субъективизму – после чего рассуждать о преемственности внутри двух парадигм и о конкуренции между ними. Однако это не так: каждая из концепций предполагает собственное видение социальной реальности, и расхождения в фундаментальных установках внутри объективизма, равно как и внутри субъективизма, столь существенны, что отнести их к одной парадигме не представляется возможным. С нашей точки зрения, настало время так называемой экстраординарной науки – периода, когда ни одна из существующих концепций неспособна в полной мере удовлетворить исследовательские запросы и требуются беспрецедентные по своему эпистемологическому потенциалу новые методологические системы.

Результатом этого положения дел стало появление множества научных работ, в которых используются элементы разных, порой противоречащих друг другу социологических теорий. Некоторые из них хороши тем, что их авторы не замыкаются в одной исследовательской плоскости, высвечивая и анализируя разные аспекты проблемы. Однако встречаются и такие, где, подбирая под определенный аспект проблемы наиболее удобный для ее изучения методологический элемент, автор уходит от задачи взаимной адаптации используемых им концептов. Такой подход ведет к методологической эклектике, которая делает невозможным единое непротиворечивое знание о каком бы то ни было социальном явлении. Очевидно, что у полипарадигмальности есть две стороны: конструктивная и деструктивная. Конструктивная состоит в том, что открываются новые горизонты в научном поиске, значительно обогащая методологический арсенал исследователя и реализуя тем самым один из важнейших принципов современного научного поиска – принцип дополнительности концепций. Однако богатый выбор методологических установок при непродуманном, дисгармоничном применении разных подходов в рамках одного исследования может привести к элиминации научной ценности такого исследования, нарушая другой базовый принцип научного поиска – принцип непротиворечивости.

В свете сказанного небезынтересны две книги, вышедшие в 2014 и 2015 гг.: «Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства» [2] и «Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине?» [1]. Авторы этих

двух монографий предлагают свое видение того, как формируется социальная реальность. В обеих взаимосвязанных между собой работах речь идет о механизме формирования социальной реальности – его элементах и алгоритмах взаимодействия между ними. Опираясь как на классические, так и на современные теории, авторский коллектив предпринимает попытку разработать концепцию формирования социальной реальности, следуя принципу дополнительности теорий, но при этом избегая противоречий.

Переходя непосредственно к описанию своего отношения к монографиям, мы должны прежде подчеркнуть, что рассматриваем их научное содержание: во-первых, с позиции философии, то есть нас интересует главным образом методологическая составляющая концепции механизма формирования социальной реальности; во-вторых (в качестве уточнения), с позиции традиционной – гуссерлианской – феноменологии, что позволяет нам добавить в методологическое поле, разработанное авторами, категорию эйдоса (смысла). То есть речь в данной статье идет не об аутентичном изложении материала монографий, но о рассмотрении методологической части работ с добавлением нашего – социально-философского – видения того, как функционирует механизм формирования социальной реальности.

В общих словах предлагаемый авторами механизм представляет собой совокупность трех составляющих: понимания социальной реальности, отношения к социальной реальности и доверия как необходимой основы социальной реальности.

Первая из книг, написанная Владимиром Ильичем Чупровым, Юлией Альбертовной Зубок и Нелли Александровной Романович, посвящена исследованию формирования и воспроизводства первых двух элементов этого механизма.

Говоря о природе понимания социальной реальности, авторы определяют ее в феноменологическом духе: социальная реальность для них – intersubъективный мир, смыслы которого конституируются субъектом. Придерживаясь общей феноменологической основы, они учитывали альтернативные позиции: так, например, рассуждение о базовой для своей работы категории они начинают с освещения позиции Э. Дюркгейма, в соответствии с которой под социальной реальностью понимается объективный, доминирующий над субъектом мир. Учитывая и уважая точку зрения классика социологии модерна, авторы тем не менее в значительной мере корректируют ее, приводя в соответствие с современными методологическими тенденциями. В разработанной ими концепции социальной реальности есть место элементам тео-

рии идеальных типов и социального действия М. Вебера, вкраплениям теории А. Маслоу, социологии знания К. Мангейма. Конечно же, доминирующей линией остается при этом феноменологическая традиция от Э. Гуссерля к А. Шюцу и далее к П. Бергеру и Т. Лукману.

Если обобщать позицию авторов по поводу социальной реальности, то субъективным компонентом становятся диспозиции субъектов, находящихся в условиях интеракций; объективной стороной выступают общие (типичные) для субъектов установки. Субъективное и объективное в социальной реальности диалектически взаимосвязаны.

Переходя от онтологического к гносеологическому ракурсу, авторы последовательно предлагают познавать социальную реальность в феноменологическом ключе, вводя в методологическое поле своего исследования ключевую для феноменологов категорию жизненного мира. Тотальная интересубъективность, которую закладывает А. Шюц в основу своего понимания социальной реальности, должна изучаться, с точки зрения авторов монографии, рефлексивно. Исходя из того, что социальная реальность соткана из множества субъективно детерминированных интеракций, фактор «я» является базовым объектом познания. Разделяя естественную и рефлексивную установки познания – в том числе социального – авторы однозначно отдают прерогативу рефлексивной.

Возможность объективации знания о социальной реальности, с их точки зрения, обусловлено так называемой типизацией знания, возможной благодаря типизации самих интерактивных практик. То есть, несмотря на то что биографические ситуации субъектов интеракции уникальны, есть ряд общих типичных черт, свойственных той или иной культуре (системе интеракций). Познающий субъект «схватывает» эти свойства, объективируя их по принципу общности, или, другими словами, типичности.

Объединяя онтологический и гносеологический ракурсы, можно сделать вывод о том, что социальная реальность представляет собой конструирование совокупностью субъектов интерактивного мира, в котором сочетаются общая (типичная) и индивидуальная (уникальная) компоненты. Познавать и те, и другие свойства следует рефлексивно, то есть без допущения иллюзии существования объективных, независимых от сознания и действий субъекта социальных свойств. Другими словами, для познания как типичного, так и индивидуального исследователю необходимо обратиться к субъекту как носителю и тех, и других свойств.

Очевидно, что при таком подходе понимание реальности отождествляется с самой реальностью: если субъект, являясь актором, действующим в отношении других акторов и ожидающим обратного действия, созидает смысловое пространство наряду с интерактивным, то знание (созданные им смыслы) становится компонентом механизма формирования и воспроизводства социальной реальности, который определяет его отношение к другому, его ожидания от другого. В полной мере осознавая, что другой является, в свою очередь, таким же актором, субъект склонен объективировать смыслы, которые становятся основой для созидания так называемого объективного мира. Типичные, разделяемые разными субъектами смыслы переводят социальную реальность из простой совокупности разных «я» в их единство – в «мы». То есть понимание содержит в себе не только трактовку сути объектов социальной реальности, но и осмысление, конституируемое субъектом, служит необходимым плацдармом для дальнейшего конструирования отношения к ним.

Признавая, что отношение к социальной реальности осуществляется в социокультурной сфере, авторы вышли за пределы сугубо рационального понимания как самой реальности, так и структуры отношения к ней. По сути, ценностные образцы укоренены главным образом в структуре социального бессознательного. Выделяя такие элементы коллективного бессознательного, как архетип, менталитет, габитус и стереотип, авторы в четвертой главе своей монографии завершают концептуализацию социокультурного механизма формирования отношения к социальной реальности, описывая природу и механизмы взаимодействия этих четырех элементов структуры коллективного бессознательного, а также раскрывают алгоритм преобразования бессознательных форм отношения к социальной реальности в массовое сознание.

Ключевым элементом инструмента формирования социокультурного механизма отношения к социальной реальности В.И. Чупов, Ю.А. Зубок и Н.А. Романович считают рефлексю. Если попытаться схватить в нескольких фразах алгоритм формирования отношения к социальной реальности, то таковой мыслится следующим образом: архетипы, будучи формами существования наиболее глубоких бессознательных установок, исторически сформированных субъектами, отражают принципы существования той или иной социальной культуры, которые напрямую определяют социокультурные установки – ментальность. Ментальность в совокупности с уникальными биографическими обстоятельствами влияет на формирование габитуса – системы предрасположенностей (диспозиций), исходя из которых действует

субъект в своей повседневной жизни. Наконец, стереотипы, лежащие в основу идентификации в системе «я» – «мы» – «они», доводят процесс формирования отношения к социальной реальности до логического завершения.

Объединяя «понимание» социальной реальности и «отношение» к социальной реальности в качестве элементов механизма ее формирования и воспроизводства, авторы предлагают рассматривать эти элементы не как последовательные этапы, а как две ингредиентные группы, которые в своем взаимодействии рожают всю «вкусовую» палитру – социальную реальность в совокупности всех ее специфических культурных свойств.

Здесь нельзя не сказать о том, что авторы книги не ограничились только лишь разработкой методологического концепта. Проведя ряд методических процедур, наиболее существенные из которых также нашли отражение на страницах монографии, они разработали инструментарий, посредством которого провели всероссийское исследование. Выборка составила 1301 человек из 13 регионов и 67 населенных пунктов России.

Итак, взяв за основу феноменологический подход, авторы не оставили без внимания все проблемы, которые многие из феноменологов с радостью бы обошли проблему объективности социального мира, проблему познания типичного, проблему историчности общественных явлений. Итогом проведенной теоретико-методологической работы стал концепт, органично сочетающий преимущества целого ряда актуальных сегодня теорий: собственно, феноменологии, теории социального действия, социологии знания, герменевтики.

Особое место отводится диалектике традиционного и современного в процессе формирования социальной реальности: традиции, укорененные в историческом духе общества, вступают в диалектическую взаимосвязь с инновациями, продиктованными требованиями времени, обеспечивая устойчивый процесс социального развития.

Вторая из рассматриваемых нами работ «Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределённости. Почему нет мира в Украине?», написанная В.И. Чупровым и В.В. Михеевой, в методологическом отношении является продолжением первой. Авторы рассматривают доверие в качестве необходимого элемента механизма формирования и воспроизводства социальной реальности, выдерживая теоретическую линию, разработанную в первой книге.

Монография состоит из пяти глав. В первой главе формируется теоретико-методологическая база исследования роли доверия в само-

регуляции социальных взаимодействий. Вторая глава посвящена изучению неопределённости как условия формирования доверия в трансформирующемся обществе. Третья глава содержит концептуализацию механизма саморегуляции социальных взаимодействий в различных аспектах, основными из которых авторы считают аспекты психологического характера. Четвертая и пятая главы носят преимущественно прикладной характер: в них осуществляется исследование, соответственно, саморегуляции доверия в украинском обществе, а также факторного влияния доверия и недоверия на процесс регуляции социальных взаимодействий в украинском обществе.

Рассуждая о доверии в первой главе, авторы рассматривают множество точек зрения – от ставших уже классическими позиций П. Штомпки, Ф. Фукуямы и Э. Гидденса до идей наших соотечественников из Украины, России и Белоруссии. В результате обстоятельного изучения различных позиций В.И. Чупров и В.В. Михеева выделяют следующие особенности доверия: во-первых, оно укоренено в структуре социальных взаимодействий (имманентно); во-вторых, доверие всегда интенционально; в-третьих, доверие исторично.

В качестве феномена социальной реальности доверие представляет собой установку сознания, возникающую на основе рефлексии опыта субъекта в процессе его интеракций с другими, которой свойственны позитивные ожидания в отношении личностей, групп, организаций, институтов. Одной из важнейших функций феномена доверия является социорегулятивная. В качестве элемента механизма формирования и воспроизводства социальной реальности доверие выполняет роль, подобную той, что выполняет солидарность в теории социального факта Э. Дюркгейма или «самость» в системе архетипов у К.Г. Юнга: доверие и недоверие – метаэлементы, определяющие уровень сплоченности общества как его фундаментальную характеристику.

Интересно, что недоверие мыслится авторами не в качестве простого отсутствия доверия, но как самостоятельная сила, находящаяся в диалектической борьбе с доверием. Эта сила на микроуровне возникает в случае, если объект доверия не оправдывает ожиданий доверяющего, то есть знания, способствующие доверию, не соответствуют реальному положению дел. Две силы подобно центробежной и центростремительной силам у физиков обеспечивают саморегуляцию социальных взаимодействий.

Неопределенность рассматривается авторами в диалектическом противостоянии категорий необходимости и случайности, возможности и действительности, традиционности и современности. Это такое

состояние объекта, при котором многообразные возможности обращаются в действительность, элементы которой, находясь во взаимосвязи, сами по себе в достаточной мере не оформлены. Переводя рассуждения в социологическую плоскость, авторы ссылаются на позицию Ю.А. Зубок, вводя в оборот ее категорию неструктурируемости. Ю.А. Зубок выделяет две формы неструктурируемости: неструктурируемость базовых социальных отношений и ситуационная неструктурируемость. Первая форма проявляется на уровне макросоциальных систем, вторая актуализируется на уровне индивидуально-личностных взаимоотношений. На примере украинского общества (в монографии используются материалы проведенного Национальной академией наук Украины под руководством академика НАН В.М. Вороны мониторинга «Украинское общество – 2012 (мнения, оценки и условия жизни населения Украины)», охватившего 1800 человек из 24 регионах) доказывается, что в 2012 г. оно находилось в состоянии социальной неопределенности, связанной с культурной и геополитической самоидентификацией: Украина, исторически связанная как с Россией на востоке, так и с западными Польшей, Словакией и Венгрией в культурном и геополитическом отношениях, не преодолела противостояние западного и восточного социокультурных полюсов. Эта неопределенность, с точки зрения авторов, породила высокий уровень недоверия граждан Украины к институтам власти, также осуществлявшим в то время не вполне твердую единообразную политику. Таким образом, события в Украине вызваны не недостатком доверия, а избытком недоверия, которое выступает самостоятельной регулирующей силой.

Доверие, будучи активной формой ожидания конструктивных действия от другого, способствует уплотнению коммуникативных связей и их саморегуляции. В этом смысле как доверие, так и недоверие играют регулятивную функцию и могут выступать инструментами преодоления состояния неопределенности. Феномены доверия и недоверия рассматриваются в нескольких их ипостасях: во-первых, как разнонаправленные реакции на неопределенность базовых социальных систем; во-вторых, как инструменты, позволяющие преодолеть такую неопределенность в результате саморегуляции социальных интеракций.

О том, каким образом регулируется само доверие – ключевой инструмент, сплачивающий общество, повышая эффективность социальных институтов, и выводящий общество из состояния неопределенности, – авторы пишут в четвертой главе своей монографии. Они считают, что институциональная саморегуляция доверия имеет ряд свойств: позитивное влияние традиционных ценностно-нормативных основа-

ний на повышение уровня доверия; воздействие института общественного мнения на меру доверия; корреляция повышения недоверия к официальным институтам и возникновения неинституциональных форм общественной организации; наконец, прямая корреляция повышения уровня доверия с уровнем социальной определенности.

В заключительной части монографии авторы подчеркивают важность традиций в процессе функционирования общества: будучи уже сложившимися духовными установками, традиции определяют его мировоззренческую основу. Общество доверяет своим традициям, что показали социальные замеры обеих работ, и это значит, что эффективные инновации должны быть согласованы с тем, что исторически сложилось, – с тем, что вызывает доверие.

Подводя наш собственный итог, отметим, что доверие, выступая связующим элементом социальной реальности, напрямую зависит как от понимания, осмысления сущности объектов социальной реальности, так и от отношения субъекта к ним. Однако такая детерминация имеет и обратное воздействие: понимание социальной реальности обусловлено уровнем доверия и недоверия к ее объектам (другим, имеющим собственные ценности, религию, язык), и в этом смысле отношение к реальности, в свою очередь, детерминировано доверием и недоверием. Социальная реальность формируется и воспроизводится в результате функционирования механизма, в котором взаимодействуют три начала: понимание, отношение, доверие.

Литература

1. Чупров В.И., Михеева В.В. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине? М., 2015. 160 с.

2. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014. 352 с.

References

1. Chuprov V.I., Mikheeva V.V. Doverie v samoreguljatsii sotsial'nykh vzaimodeistvii v usloviakh neopredelennosti. Pochemu net mira v Ukraine: monografiia. M., 2015. 160 s.

2. Chuprov V.I., Zubok Ju.A., Romanovich N.A. Otnoshenie k sotsial'noi real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyi mekhanizm formirovaniia i vosproizvodstva. M., 2014. 352 s.